

А

Вяземский П. А. Разбор "Второго разговора", напечатанного в N 5 "Вестника Европы" // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 169-176.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-169-.htm>

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Разбор "Второго разговора", напечатанного в N 5 "Вестника Европы"

On voit que ce folliculaire parlait a tort et a travers des choses les plus aisees a savoir, et dont il ne savait rien. - Voltaire.**¹

Много было разговоров по случаю "Разговора", вылившегося из "Бахчисарайского фонтана". Не мудрено! Одна искра взрывает громаду пороха, а самолюбие *меньших братьев* в авторстве такое горячее вещество, что и порох в сравнении с ним несгораем. В оном "Разговоре" задраны слегка журнальные клеветы и некоторые прозаические поэты "Вестника Европы". Разрыв ждать себя не заставил. Второй "Разговор" раздался в "Вестнике Европы": блеска в выпале было мало; но зато разостлалось облако густого дыма, под коим много кое-чего осталось скрытым. Обиженные дело свое сделали; я сделал свое, отклоня от себя неприятность сражаться во тьме, и, подобно Аяксу в "Илиаде"², хотя и по другим причинам, вызывал ратоборцев к битве на дневном свете. Этого не довольно: словесные *меньшие братья меньших братьев письменных, клеветы журнальных клеветов* говорят, что ответ мой не ответ; что я не отразил ни одного нападения *Второго Классика*; что самые стрелы, брошенные мною, не попали в настоящую цель и потому остаются недействительными. Нельзя на всех угодить: иные верно меня поняли; постараюсь удовлетворить требованиям и других. У меня нет микроскопа, посредством коего Ривароль составил свой забавный "Маленький словарь великих людей"³. Кто отыщет, например, *Второго Классика* в толпе литературных мирмидонов⁴? Да и какая польза, и что за необходимость? В *общине* мирмидонов царствует дух взаимности редкой: троньте одного, и вы тронули всех; а тем более если коснулись до главы единочувственного племени. И, вспомня того же Ривароля, который говорил о немцах: *qu'ils se cotisent pour comprendre un bon mot**⁵, знаю также, что у нас *меньшие братья в авторстве* складываются, чтобы написать нелепость! Кто после возьмет на себя головоломный труд отыскивать в этих журнальных мозаиках вкладчину каждого? Гораздо короче и благоразумнее расплатиться напрямки с собирателем, или *составителем*, мозаики⁶, предоставляя ему расчесть со своими поставщиками и воздать каждому свое. Я так и сделал. На литературную часть "Второго разговора" не отвечал я литературно, потому что почел ее, по немецкому выражению: *unter aller kritike***, хотя, по всенародному объявлению *Второго Классика*, я по-немецки не знаю. - Но за этим дело не станет. Если угодно, то я берусь не оставить в целости ни одного из литературных предложений, выставленных во "Втором разговоре", напечатанном в "Вестнике Европы". Он изобилует погрешностями. Стоит только вытаскивать их напоказ. Желая поступить обстоятельно, начну с начала и кончу с концом. Труд будет не на моей стороне, а на стороне посторонних читателей, если будут они иметь терпение следовать за мною в этой ловитве. По крайней мере, надеюсь, *взыскательные* после того не скажут, что мой настоящий ответ не настоящий ответ.

*Второй Классик**** ачинает с того, что отвергает достоверность разговора, напечатанного вместо предисловия к "Бахчисарайскому фонтану". Что же значит *второй разговор*, если не было *первого*? Вот неловкость с первого приступа.

Классик первого разговора - безымянный. Во "Втором разговоре" является г-н N, выдающий себя за Классика; он говорит, что издатель "Бах<исарайского> фонт<ана>" не имел с ним разговора, но с кем *с ним*? Кто *он*? Г-н N мог сказать: "Речь идет не обо мне. Я не классик!" Тогда бы дело другое. И тут с первого приступа видим, что г-н N впутался не в свое дело! Чем далее пойдем, тем более в том удостоверимся.

Классик "Второго разговора" говорит, что Классик первого не классик. И да и нет! Не классик по званию и вследствие глубокого учения, но классик охотою, самоучкою, классик по недоброжелательству своему к чужим успехам, точно такой же, каков классик "Второго разговора"; одним словом, комическое лицо, которое таким и выведено в драматическом предисловии, подобно как Diafoirus у Мольера⁷, не есть врач ученый, но карикатура врачей-невежд⁷. Не понимаю, кому пришла охота *олицетворить* в себе